

ИССЛЕДОВАНИЯ

Литературоведение

*Материалы межвузовской научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н. Полевого*

М.В. Строганов

ОБ ОЧЕРКЕ Б.Н. ПОЛЕВОГО О С.Д. ДРОЖЖИНЕ

В 1961 г. Б.Н. Полевой опубликовал очерк о С.Д. Дрожжине «Соловей волжской деревеньки»¹, который был взят на учет как исследователями творчества Дрожжина в качестве документального материала о нем², так и исследователями Полевого – как биографический материал. Этот очерк был включен нами в свод мемуарных материалов о Дрожжине³. Уже в 2001 г. я подозревал, что документальная основа этого очерка достаточна шаткая, однако оставил разговор об этом на будущее. Теперь, думаю, это время пришло, тем более что анализ этого документа дает основания и для постановки вопроса о фундаментальных приемах творчества Полевого.

Итак, очерк Полевого начинается рассказом о том, что в 1923 г. в Твери широко отмечалось 50-летие литературной деятельности Дрожжина и 75-летие со дня его рождения, в связи с чем он выступал перед тверской общественностью, активно (фактически в последний раз) общался с тверской интеллигенцией⁴. 19 декабря торжественное

¹ Полевой Б.Н. Соловей волжской деревеньки // Полевой Б. Встречи на перекрестках. М., 1961. С. 139-154; то же // Ленинское знамя (Калининский район). 1968. 16 марта; то же // Калининская правда. 1973. 15 декабря. С. 4, 16 декабря. С. 3; то же // Полевой Б.Н. Силуэты: Новеллы. М., 1974. С. 7-18; то же // Полевой Б.Н. Силуэты: Новеллы. М., 1978. С. 7-17.

² См.: Спиридон Дмитриевич Дрожжин: Библиографический указатель / Тверская областная универсальная научная библиотека им. А.М. Горького. Тверь, 1998. С. 65 (№. 605).

³ Воспоминания о С.Д. Дрожжине / Подготовка текста, вступит. статья, примечания А.Ю. Сорочана, М.В. Строганова // Спиридон Дрожжин. Глазами современников и потомков: Статьи и воспоминания / Ред. М.В. Строганов. Тверь: Золотая буква, 2001. С. 156-164. Далее текст очерка мы приводим по этому изданию без указания страниц.

⁴ Кин С. К 50-летию юбилею С.Д. Дрожжина // Тверская правда. 1923. 16 декабря; К.Д. 50-летний юбилей С.Д. Дрожжина: Чествование поэта-крестьянина в стенах Тверского педагогического института // Тверская правда. 1923. 21 декабря; Дудоров М. Юбилей С.Д. Дрожжина // Эхо тверской

чествование прошло в педагогическом институте, потом в тверской библиотеке имени С.Д. Дрожжина. «В школах города также чествовали поэта; в нескольких из них выступал сам Спиридон Дмитриевич с чтением своих стихов». В 1923 г. Полевому было 15 лет, вот что он пишет по этому поводу в своем очерке:

«Своим первым печатным трудом я обязан одному из любопытнейших российских людей – поэту-крестьянину Спиридону Дмитриевичу Дрожжину. В дни, когда тверская общественность отмечала пятидесятилетие его литературной деятельности, поэта привезли к нам в семилетнюю школу № 24, где я тогда постигал науки, пребывая в шестом классе „Б“.

Впечатление он произвел ошеломляющее. Ну как же, живой поэт появился в школе! Оно усугублялось тем, что стихи С.Д. Дрожжина были в те годы обязательной принадлежностью любой хрестоматии. Каждый из нас еще в первом классе учил их, и, вероятно, поэтому сам автор представлялся нам таким же далеким, как Кольцов, Некрасов, Суриков и другие его соседи по хрестоматийным страницам.

И вот мы, мальчишки и девчонки, во все глаза смотрели на высокого, плечистого, длинноволосого старца, с грубоватым, крестьянского склада лицом, с негустой седой бородкой, с мохнатыми бровями, сердито нависавшими на голубые, добрые глаза. Он бесшумно ступал по сцене в фетровых „старорежимных“ ботах, говорит тихо, но свои стихи, простые, распевные, как народные песни, читал почему-то трубным хриплым голосом. Шумная публика, битком набившая в этот день емкий двухсветный зал, была необычайно тиха. Она как бы замерла, слушая такое всем знакомое:

Честным порывам дай силу свободную,
Начатый труд довершай.
И за счастливую долю народную
Жизнь всю до капли отдай.

Выдающееся событие это мы широко отметили в школьной стенной газете, где я в ту пору активно сотрудничал, ведя сатирический отдел «Кому что снится» и помещая фельетоны под псевдонимом. А вот на этот раз я расхрабрился, переступил поля стенной газеты и описал эту встречу в губернской газете „Тверская правда“ в десятистрочной заметке. Первом моем платном труде».

Полевой цитирует стихотворение Дрожжина неточно; первая строка стихотворения звучит так: «Честным порывам дай волю свободную...». Однако такая ошибка памяти вполне понятна: *воля* и *свобода* – это синонимы, «воля свободная» – это «масло масляное». Для того художественного сознания традиционной народной культуры,

кооперации. 1924. № 3. С. 10-14; Красоткин А. На юбилейном вечере С.Д. Дрожжина в библиотеке его имени // Тверская правда. 1923. 23 декабря.

которым руководился Дрожжин, такое сочетание слов усиливало эффект. Для индивидуального сознания, которым руководился Полевой, это ошибка, ее следовало избегать, и память услужливо заменила одно словосочетание другим. Но на самом деле эта ошибка памяти не столь важна. Гораздо важнее, что названная Полевым заметка не обнаружена ни в «Тверской правде» 1923 г., ни в других немногочисленных изданиях. Нам еще предстоит понять, что это значит. Следует тут же сказать, что в газетной статье 1936 г. о Дрожжине Полевой цитирует тот же фрагмент и первую строчку приводит верно, зато ошибается во второй: «Начатый труд завершай»¹. Сразу же отметим, что в статье 1936 г. Полевой не вспоминает, что слышал эти строки в исполнении самого автора.

Смысл же этого фрагмента достаточно традиционен для мемуарной литературы: речь здесь идет о передаче творческой эстафеты писателем старшего поколения младшему. Пускай Дрожжин непосредственно не общался с Полевым (формула «старик Державин нас заметил» не реализована, об этом пойдет речь при встрече в Низовке), но Дрожжин зажег в Полевом творческий дух, придал ему смелости выступить в большой печати (реализация формулы «в гроб сходя, благословил»).

Вступительная часть очерка закончена. Основная же его часть посвящена событиям 1928 г., когда Полевому было 20 лет и когда в Твери в декабре отмечали 80 лет со дня рождения Дрожжина. Эту часть очерка Полевого нам придется рассмотреть более основательно. Полевой писал:

«Когда Спиридону Дмитриевичу исполнилось восемьдесят лет, я был уже профессиональным журналистом. Писал очерки, издал небольшую книжицу под устрашающим названием „Мемуары вшивого человека“ и даже рискнул послать ее, разумеется, с самой лестной дарственной надписью, патриарху русской демократической поэзии, так поразившему когда-то мальчишеское воображение. Ответа не последовало. И вот теперь, направленный редакцией в приволжскую деревеньку Низовку написать о С.Д. Дрожжине юбилейный очерк, я, кутаясь в огромный ямщицкий тулуп, гадал – как-то меня встретит этот удивительный, самобытный и, как мы все знали, гордый, своенравный человек. Получил ли он мой дар, прочел ли и, если прочел, почему не ответил? Не понравилось? Вызвало досаду? Если так, было бы, конечно, лучше, если бы редакция послала к нему кого-нибудь другого.

Автомашин тогда было в Твери по пальцам перечесть, в уезд отправлялись чаще всего на подводе. Поэтому путь мой до Низовки, лежавший в основном по шоссе, во времени, вероятно, был более

¹ Полевой Б. Поэт-крестьянин // Пролетарская правда (Калинин). 1936. № 299. 29 декабря. С. 3.

длинным, чем у Радищева, когда тот совершал свое знаменитое путешествие из Петербурга в Москву. Неторопливо, то шагом, то мелкой рысцой, поеживая селезенкой, заиндевшая лошадка тянула сани. Сосновые лески то подкрадывались к самому большаку, то отбегали от него к горизонту, и тогда открывшийся снежный простор отливал холодной стальной голубизной».

Прокомментируем этот фрагмент. В первую очередь следует сказать, что в 1928 г. эта более круглая дата фактически не праздновалась тверской общественностью (видимо, и в масштабах государства она прошла очень тихо). Конечно, лет Дрожжину было уже совсем не мало, а сил с годами становилось всё меньше. Но он не смог бы принимать участие в юбилейных мероприятиях уже потому, что, как ясно из прессы, их просто-напросто не было. В тверской прессе в 1928 г. не зафиксировано ни одной публикации, нет и статьи Полевого, которую он должен был написать по заданию редакции¹, а в летописи основных событий жизни и творчества Дрожжина, опубликованной в «Пролетарской правде» в 1938 г., этот юбилей даже не упомянут, тогда как 75-летний юбилей отмечен особо². Едва ли не единственным юбилейным актом было приветственное письмо, которое президент Академии наук СССР А.П. Карпинский отправил Дрожжину 15 декабря 1928 г.³ Как кажется, главной и единственной причиной умалчивания этого юбилея было то, что в стране уже начиналась коллективизация, поэтому и крестьянский поэт не вполне вписывался в новую жизнь советской деревни.

Второе. Полевой пишет, что направил Дрожжину свою первую книгу «Мемуары вшивого человека» (Тверь, 1927), которая была посвящена жизни социальных низов и основана на личном опыте автора. Эта книга получила определенный резонанс, о ней отозвался, в частности, М. Горький. Однако Л.А. Ильин, разбиравший в 1930-е гг. библиотеку Дрожжина, не обнаружил в ней эту книгу с автографом автора.

Третье, что следует отметить, – это странное средство передвижения, избранное Полевым и командировавшей его редакцией. Все приезжавшие к Дрожжину пользовались только железной дорогой. Как писал в своих воспоминаниях о Дрожжине Н.С. Власов-Окский, в 1919 г. «от Твери до Завидова нужно ехать по железной дороге, а от

¹ См.: Спиридон Дмитриевич Дрожжин: Библиографический указатель. С. 73-74.

² См.: Сын трудового крестьянства // Пролетарская правда. 1938. 18 декабря. № 289. С. 3.

³ Ильин Л. Александр Карпинский – Спиридону Дрожжину // Калининская правда. 1972. 3 февраля.

Завидова до Низовки идти пешком. Идти пришлось около девяти верст и дорогою, и тропинками чрез поля и деревни»¹.

Ситуация в течение ближайших двадцати лет после 1919 г. не изменилась, и железная дорога оставалась по-прежнему самым удобным и надежным видом транспорта (летом, в качестве удовольствия, некоторые из посетителей Низовки прибегали к речному транспорту). Но на телеге в одну лошадь из Твери до Низовки пришлось бы добираться не менее шести часов, и столько же времени – обратно, что было совершенно нецелесообразно. Однако для построения того сюжета, на котором построен текст Полевого, важно подчеркнуть, что всё, о чем здесь рассказывается, было очень давно. И хотя на самом деле между 1928 и 1961 г. прошло всего тридцать три года, но в истории страны действительно многое изменилось. Вообще же долгая дорога – это достаточно традиционная мотивировка для включения в повествование «исторических воспоминаний», всяких сведений, почерпнутых из книг. И не случайно весь следующий фрагмент очерка основан на фактах из истории тракта Москва – Петербург и из воспоминаний самого Дрожжина.

Полевой пишет: «Спиридон Дрожжин до тринадцати лет был крепостным богатых бар Безобразовых». В этом своем построении он опирается на слова самого Дрожжина, который писал, что его мать «жила в Москве у нашего помещика В.Г. Безобразова кормилицей его дочери»². Между тем современные справочники по тверской усадьбе не дают нам известий, что Низовка входила в состав той или иной помещичьей собственности. Известно, впрочем, что владельцем сельца Елизаветино Городенской волости Тверского уезда был сошедший с ума губернский секретарь Михаил Григорьевич Безобразов, почему его имение было описано³.

Другой эпизод. Полевой сообщает: «В эту поездку я захватил с собой старую книжечку С. Дрожжина „Автобиография с приложением избранных произведений“». И далее он приводит фрагмент из воспоминаний Дрожжина: «Раз, перед Рождеством...» Воспоминания Дрожжина существуют в пяти вариантах, и все они могли быть известны Полевому. Только одно – самое последнее издание называется автобиографией. Однако в этом издании – «Автобиография с приложением избранных произведений» – цитируемого фрагмента нет; да и само издание 1923 г. трудно было назвать в 1928 г. «старой книжечкой». Можно было бы подумать, что Полевой их сочинил,

¹ Власов-Окский Н.С. В Низовке (впечатления из поездки) // Спиридон Дрожжин. Глазами современников и потомков: Статьи и воспоминания. С. 35.

² Дрожжин С. Д. Автобиография с приложением избранных произведений. М.: «Девятое января», 1923. С. 13.

³ Описание имения, 1858 г. см.: ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 1748. 16 л.

однако в издании, которое вышло в 1907 г.,¹ мы находим именно эти строки. Вместе с тем эта путаница кажется нам не столь важной, и ее легко можно объяснить тем, что в 1961 г., когда Полевой работал над очерком, назвать «старой книжечкой» издание 1923 г. уже были все основания.

Из воспоминаний Дрожжина Полевой берет и рассказ о первом стихотворении поэта, и о первой его публикации в журнале «Грамотей», и о тяге к чтению, и о трудностях жизни «в людях». Для того чтобы написать всё это, в Низовку ездить не стоило.

Следующая часть очерка – центральная. Здесь Полевой встречается с Дрожжиным: «В волнении я как-то совсем не замечаю, как узенький проселок, пробитый прямо по полям, приводит нас в деревеньку, избы которой курятся среди старых ветел уютными пушистыми дымками. Румяная молодайка, встретившаяся с полными ведрами, показывает рукавичкой на приземистый крепенький домик, смотрящий на улицу четырьмя окошками. Всё на нем: оконницы, ставни, крыльцо, конек крыши – любовно украшено затейливой деревянной резьбой, а сверху на шесте поднял хвост жестяной петушок. <...>».

Стучим. За матовой изморозью, покрывающей стекла, мелькает чье-то лицо, в сенях слышится мягкая поступь. В дверях сам поэт. Несколько мгновений он неподвижно осматривает неожиданных гостей, а потом произносит ласковым голосом:

– Милости прошу в избу.

На нем кожаный фартук весь в золотистых опилках. Длинные волосы по-старинному прихвачены ремешком, чтобы не лезли на глаза, не мешали. На лбу очки. <...>».

Жилье, как и сама жизнь этого человека, разделено на две части. Пятистенный дом разрезан переборкой пополам. Жилая половина совсем крестьянская. Сбоку к русской печи прижалась деревянная кровать с подушками в пестрых ситцевых наволочках. У двери на гвоздях – хомут, сбруя, пила. Старый полушубок свисает с полатей. Возле большого стола – самодельные стулья, лавки. В простенке в черных рамках фотографии родичей: бородатые коренастые мужчины с напряженными лицами, женщины в сатиновых жестких, будто бы стеклянных, кофтах, солдаты с медалями, вытягивающиеся по стойке „смирно“. Меж пестрядинными дорожками проглядывают белые, чисто выскобленные полы, за занавеской возле печи верстак, у которого хозяин дома, не торопясь, прибирает сейчас инструмент.

За деревянной стеной, не доходящей до потолка, – как говорили в те дни, „на чистой половине“ – комната имеет совсем иной вид. Это жильё интеллигента, человека со скромным, хорошим вкусом. Полки с

¹ Дрожжин С.Д. Стихотворения. 1866-1888. М., 1907. С. 30.

книгами режут комнату поперек. У окна, выходящего во двор, письменный столик. На нем, под старинной лампой с зеленым козырьком, рукописи, томик Белинского, раскрытый на статье о Кольцове. В простенках – фотографические портреты Толстого и Горького, оба с дарственными надписями на углах. Чувствуется, что хозяин любит порядок, чистоту. Книги уложены аккуратнейшим образом. Как в библиотеке, авторы выстроились строго по алфавиту. Многие томики с дарственными надписями. <...>.

– Богатства моими интересуетесь? Есть, есть что посмотреть, – своей большой рукой он как-то очень бережно снимает с полки том Толстого, раскрывает, показывает размашистую надпись. – Видите? Бывал я у него. Он ко мне хорошо относился, – хозяин дома как-то особенно произносит это *его, он*. Как бы пишет их большими буквами. – Перед тем как из города в деревню сюда вернуться, а это уж поди-ка лет тридцать пять тому назад было, приехал я к нему. Он долго ходил со мной по парку, всё расспрашивал, как да почему бросаю город, почему меня к хлебопашеству тянет и не забыл ли я крестьянского дела... Очень он одобрил, что я к сохе возвращаюсь, и книгу надписал: „Поэту-пахарю Спиридону Дрожжину от Льва Толстого. Дружески“. Видите?

Рассматриваю автографы Толстого, Горького, Леонида Андреева, Глеба Успенского, Гаршина, Златовратского, и, пока я занимаюсь интересным этим делом, хозяин задумчиво говорит:

– Полагаю, нет такой второй литературы, как русская, – ширь, размах. Ведь как прежде писали! А сейчас бывает... Вот тут один теперешний летом мне книжку прислал...

Говоря это, поэт отправляется к тому месту полки, где выстроились авторы на букву *п*. Я холодею, начиная догадываться, о какой книжке идет речь. И в самом деле, он извлекает мой тощий труд со столь претенциозным названием. Всё это я вижу как в худом сне, а главное проснуться нельзя и деться некуда.

– Прислал вот. Надписал: „Вам на суд“, – безжалостно продолжает хозяин. – Читал, читал – ничего не пойму, какой уж тут суд – вот ведь как написал. Может быть, его, как араба какого, сзади наперед читать надо... Балуются вот, а на тетрадки ребятишкам бумаги не хватает.

Я смотрел на своего грозного судью и всё старался понять, узнал он меня или не узнал. Может, и сцену эту разыгрывает нарочно. Но на старческом лице, обрамленном серебряными волосами, не было ничего, кроме простодушного недоумения. Должно быть, когда я представлялся, он не расслышал моей фамилии. Собеседник и автор столь безжалостно раскритикованной книжки явно были для него разные люди.

Что греха таить, заходить с ним в кабинет я больше не решился. Обосновавшись в жилой половине избы, мы долго и не без

удовольствия слушали, как из жерла трубы старого граммофона Вяльцева, Варя Панина и другие уже давно умершие знаменитые певицы пели романсы и песни, написанные на тексты хозяина дома. <...>.

Тем временем внучатая невестка его, разбитная молодая женщина, бросила на стол льняную скатерть, тарелки. Обед был простой, крестьянский: щи, каша. Щи ели с кашей, заправляя льняным маслом. Яичница с крупно нарезанной колбасой шкварчала на горячей сковородке – это уже по случаю гостя. Водку поэт сам наливал из зеленоватой поллитровки, причем, раскупоривая бутылку, он одним ловким ударом ладони вышиб из нее пробку. Пил он охотно, но не хмелел. Только розовели уши. Завершилась трапеза крынкой топленого молока, холодного, коричневатого, удивительного душистого, с крепкой, будто бы жестяной, пенкой.

Потом на столе самовар замурлыкал тоненьким голосом свою самоварную песню. Поэт пил чашку за чашкой, вытирая со лба пот льняным полотенцем, лежавшим у него на коленях. Теперь уже не приходилось задавать ему вопросы. Старик разговорился, и так как беседа перебралась с темы на тему, я с удивлением убеждался, как широк круг интересов этого человека, восьмидесятилетие которого исполняется на днях. <...>.

На прощанье расцеловались. Шелковистые седины опрятно пахли табачком, хлебом. <...>.

Уткнув нос в кислотовато пахивающий тулупный мех, я обдумывал подробности необыкновенной встречи. И так как голубовато мерцавшая хрусткая ночь располагала к необыкновенным мечтаниям, казалось мне, что в этот день сила какого-то волшебства занесла меня в середину прошлого века».

Приступим к комментарию. Прежде всего следует сказать, что «внучка», которая «до кооперации побегла», – это не любимая внучка поэта Мария Дрожжина (1904–1925), о трагической смерти которой упоминается во многих воспоминаниях. Это жена внука Дрожжина и одного из его душеприказчиков Александра Васильевича Новожилова, сына Дарьи Спиридоновны Дрожжиной и Василия Павловича Новожилова. В очерке «Поэт-пахарь» в «Пролетарской правде» за 1938 г. Полевой пишет, что слушал ее рассказы о поэте в декабре 1936 г., когда был в Низовке перед затоплением ее водохранилищем и перевозкой дома Дрожжина в Завидово: «Здесь, в опустевших комнатах этого подготовленного к разборке домика, жена внука поэта Анастасия Ивановна Новожилова рассказала нам о последних годах жизни и о смерти Спиридона Дмитриевича»¹. А.И. Новожилову называет Полевой (тоже не правильно) внучатой невесткой поэта. Однако, судя по статье

¹ Полевой Б. Поэт-пахарь // Пролетарская правда (Калинин). 1938. 18 декабря.

1936 г., Полевой не общался с ней и в этом году, когда ездил на строительство «канала Волга – Москва». Он рассказывает, как выглядит опустевшая Низовка, в которой теперь остался только дом Дрожжина – накануне перевозки его в Завидово, он говорит, что все остальные избы перевезены уже в другую деревню за семь километров от Низовки. Но Полевой совершенно не упоминает, видел ли он кого-то в бывшем доме Дрожжина. Правда, на фотографии, которая приложена к этой статье и сделана, как свидетельствует подпись, самим Б. Полевым, мы видим одинокую женскую фигуру перед домом, явно позирующую фотографу¹. Возможно все-таки, это и была А.И. Новожилова, хотя в 1936 г. факт знакомства с ней Полевой, видимо, еще не осмыслил в полной мере и поэтому не использовал в своей статье.

Описание избы Дрожжина в очерке 1961 г. не соответствует действительности. Дом был разгорожен не на две, а на четыре комнаты, и как таковой «крестьянской» части в доме не было. Вот как описывает избу Дрожжина Е.Е. Шаров в статье «Уголок Дрожжина»: «Небольшой домик поэта состоит из четырех разделенных дощатыми перегородками частей; маленькая прихожая, – она же и кухня – направо спальня, прямо небольшое зальце, а из последнего ведет дверь налево в четвертую маленькую комнатку, служащую С. Д. рабочим кабинетом. <...>».

Библиотека С. Д. помещается в совершенно отдельной избе, пристроенной к задней части его домика и имеет две комнатки, меньшая из которых летом служит поэту рабочим кабинетом, в ней же, собственно, и помещается большинство книг библиотеки. В большой же комнате у стены стоят несколько широких скамеек с разложенными на них журналами, особенно ближними поэту: или издававшиеся его друзьями, или те, в которых он сотрудничал².

Рассказ о Л. Толстом должен быть дополнен следующими сведениями. Дрожжин познакомился с Толстым 11 декабря 1892 г. в книжной лавке Суворина³. Вторая встреча, как пишет сам Дрожжин в воспоминаниях, состоялась 30 апреля 1897 г.: «...долго ходил со мной по дорожкам тенистого сада и много расспрашивал о настоящем положении крестьянской жизни и о разнице с жизнью дореформенного времени».

¹ Полевой Б. Поэт-крестьянин // Пролетарская правда (Калинин). 1936. № 299. 29 декабря. С. 3.

² Шаров Е.Е. Уголок Дрожжина. С. 126-127.

³ Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Л.Н. Толстого. М.; Л.: ГИХЛ, 1936. С. 476.

При прощании он подарил мне на память свою повесть „Смерть Ивана Ильича“¹. В рассказе о прогулке Толстого и Дрожжина по дорожкам сада Полевой следует за воспоминаниями. Но откуда это восторженное именование *он*, которого нет у Дрожжина?

Далее Полевой говорит, что рассматривал «автографы Толстого, Горького, Леонида Андреева, Глеба Успенского, Гаршина, Златовратского». Из перечисленных писателей в библиотеке Дрожжина, согласно описанию Л.А. Ильина, имелась с автографом только одна книга Н.Н. Златовратского: «На могиле Шевченко (из давних воспоминаний)», на первой странице которой сделана надпись чернилами: «Многоуважаемому Спиридону Дмитриевичу Дрожжину на добрую память. Н. Златовратский. 1898 г., 31 октября». На этой же странице ниже: «Получена, когда я был в Москве и посетил в один из вечеров славного писателя на его квартире. С. Дрожжин». Брошюра (11 с.) напоминает типографский оттиск, но указания о самом издании отсутствуют². Все остальные издания отсутствуют. Ну, положим, мы

¹ Дрожжин С.Д. Автобиография с приложением избранных произведений. С. 39. См. об этом: Ильин Л. Толстой и Дрожжин // Калининская правда. 1977. 15 сентября.

² С именем В.М. Гаршина связана только книга «Красный цветок: Литературный сборник в память В.М. Гаршина» (СПб., 1889), на титульном листе надпись чернилами: «Милому и дорогому поэту-крестьянину Спиридону Дрожжину на добрую память Ал. Алиев. 1888 г. 26 декабря». В сборнике напечатан рассказ Алиева «Под обвалом».

С именем Л.Н. Толстого связан ряд книг: П.П. Сергеенко «Как живет и работает гр. Л.Н. Толстой (2-е изд., с новыми иллюстрациями, доп. и испр. М., 1903), на титульном листе надпись чернилами: «Дорогому собрату Спиридону Дмитриевичу Дрожжину от любящего П. Сергеенко. 1903. Дек. 13»; В.Г. Чертков и А.К. Черткова «Толстой и о Толстом. Новые материалы» (М., 19??), на титульном листе надпись химическим карандашом: «Глубокоуважаемому Спиридону Дмитриевичу Дрожжину. С сердечной любовью от В. и А. Чертковых. 7/VI 26». Несколько ниже также химическим карандашом: «Лефортовский пер., д. 7»; Соединенный выпуск журналов «Голос Толстого и единение» и «Истинная свобода», посвященный 10-летию со дня смерти Л.Н. Толстого, на первой странице надпись чернилами: «Глубокоуважаемому Спиридону Дмитриевичу Дрожжину от А. Чертковой. 6/I — 21». Несколько ниже пояснение Дрожжина: «В беседе с А. К. и В.Г. Чертковыми в Москве 6/7 янв. 1921»; Голос Толстого и единение. 1920. № 1 (13), на первой странице надпись чернилами: «Глубокоуважаемому Спиридону Дмитриевичу Дрожжину от А. Чертковой». Ниже чернилами помета рукою Дрожжина: «Москва, 6 и 7 января 1921 г.». «Толстой. Памятники творчества и жизни» (Вып. 2. М., 1920), на титульном листе надпись химическим карандашом: «Глубокоуважаемому Спиридону Дмитриевичу Дрожжину для поощрения ему – написать свои воспоминания о Л.Н. А. Черткова».

знаем из воспоминаний самого Дрожжина, что Толстой подарил ему «Смерть Ивана Ильича» с автографом. Но как мы можем удостовериться, что в библиотеке Дрожжина были и другие книги?

Совершенно точно мы можем говорить, что в библиотеке Дрожжина была книга с дарственной надписью М. Горького, и Полевой точно воспроизводит автограф на ней. Общение Дрожжина с Горьким, видимо, не было очень близким; писатели встречались, очевидно, лишь однажды – 28 сентября 1928 г.¹, когда Горький и сделал надпись в записной книжке Дрожжина. Но этот автограф и единственное письмо Дрожжина к Горькому были опубликованы в 1957 г. Л.А. Ильиным в тверском альманахе «Родной край»², так что можно почти уверенно считать, что именно эта публикация послужила основой для данного фрагмента очерка Полевого.

Есть в очерке и более мелкие неточности. Полевой, например, упоминает, что слушал в Низовке песни Дрожжина в граммофонных записях Вяльцевой³, Вари Паниной⁴ и других уже давно умерших знаменитых певиц. Однако другие мемуаристы упоминают только Вяльцеву и Плевицкую⁵. Песни на стихи Дрожжина в исполнении Паниной не известны.

Едва ли 80-летний Дрожжин был таким лихачем, каким описывает его Полевой, что, «раскупоривая бутылку, он одним ловким ударом ладони вышиб из нее пробку». Едва ли и «пил он охотно, но не хмелел. Только розовели уши». Всё это выглядит как преувеличение, а не точные факты.

Главное же, однако, в другом. Основной мотив в изображении поэта – это верность его современности, интерес его к социалистическим преобразованиям: «И он ясно радовался этому

¹ Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 3. 1917-1929. М.: Изд. АН СССР, 1959. С. 668.

² Об этом автографе см.: Дрожжин С. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1949. С. XXVII; Ильин Л.А. Автограф А.М. Горького в записной книжке С. Дрожжина // Родной край. Калинин, 1957. № 9. С. 321-325; здесь же – и письмо Дрожжина к Горькому (С. 322). Впрочем, автограф Горького был опубликован еще ранее: Дрожжину и о Дрожжине // Пролетарская правда. 1940. 29 декабря. Материал подготовлен Л.А. Ильиным.

³ Вяльцева Анастасия Дмитриевна (1871-1913), певица (сопрано), исполнявшая ряд песен на стихи Дрожжина, в том числе «Любо-весело...» (1890).

⁴ Панина Варвара Васильевна (1872-1911), русская певица (контральто), исполнительница цыганских песен и бытовых романсов.

⁵ Шаров Е.Е. Уголок Дрожжина. С. 126; Назаров И.А. Спиридон Дмитриевич Дрожжин и моя с ним переписка (странички из воспоминаний) // Спиридон Дрожжин. Глазами современников и потомков. С. 192. Плевицкая Надежда Васильевна (1884-1941), певица (меццо-сопрано), которой посвящено стихотворение Дрожжина «Песня» («Ах вы, ночи, мои ноченьки...») (1910).

новому, хотя, по его собственному признанию, и не совсем еще понимал его».

В статье 1938 г. Полевой в духе времени противопоставляет «народ» и «помещиков» и пишет и о том, что «все попытки окрестных помещиков завязать знакомство с поэтом оканчиваются неудачей. Поэт не терпит барского любопытства к себе, которое так больно ранило его самолюбие в дни, когда он жил в столице. Через несколько дней после знаменательной ссоры с богатейшим помещиком Толстым он пишет:

...Я не гнул спины дугою
Перед важным богачом...»

На самом же деле среди стихотворений, написанных Дрожжиным до 1917 г., есть целый ряд текстов, адресованных дворянам, чьи поместья или предприятия находились в округе Низовки: «Две поры» (1876) посвящено Н.В. Верещагину, который в селе Едимонове организовал производство кисломолочных продуктов; «На пути» (1878) – А.Н. Толиверовой-Пешковой, писательнице, участнице гарибальдийского движения; «В засуху» (1898) – М.А. Толстой, помещице, проживавшей неподалеку от Низовки. Судя по этим произведениям, отношения Дрожжина с «представителями дворянского класса» были самыми дружескими. Однако после 1917 г. появляются стихотворения, в которых отношения помещиков и крестьян изображены явно по-книжному, как, например, стихотворение «Ночные думы» (1919). «Богатейший» же помещик Толстой – это литератор Николай Алексеевич Толстой, книги которого с дарственными надписями были в библиотеке Дрожжина. Между ними на самом деле произошел в 1905 г. конфликт, но он быстро исчерпал себя, и по инициативе Дрожжина отношения были восстановлены после февральской революции¹. Впрочем, судя по посвященному Н.А. Толстому стихотворению «После долгой разлуки», которое датировано 20 июня 1917 г., отношения возобновились только в это время. О конфликте Дрожжина с Толстым Полевой писал, достаточно точно излагая его содержание, уже в статье 1936 г.²

В том же духе звучит и «незавершенное» стихотворение, которое Дрожжин прочитал Полевому. Правда, в статье 1936 г. Полевой пишет, что стихотворение «Мы, певцы крестьянской доли...» было «написано за два года перед смертью», и приводит его целиком, хотя и с некоторыми отличиями, которые свидетельствуют, что Полевой оба

¹ Толстой С.Н. Осужденный жить. М., 1998. С. 213-215; Толстой С.Н. Из книги «Осужденный жить» // Спиридон Дрожжин. Глазами современников и потомков. С. 91-93.

² Полевой Б. Поэт-крестьянин. С. 3.

раза цитирует стихотворение по памяти¹. Вообще читать незавершенные стихи не принято, это не проза. Но к тому же стихи эти не известны ни в печати, ни среди рукописей поэта. Но не важно, были ли на самом деле написаны эти стихи; важно, что лавровая ветвь перешла от одного творца к другому. И второй герой очерка, сам Полевой, всё же получил «благословение» старого поэта: «На прощанье расцеловались». Состоялась не просто встреча двух людей, состоялась передача традиции. Именно этому и посвящен очерк, недаром с Дрожжина началась профессиональная (печатная) деятельность Полевого, недаром он через пять лет был направлен к нему написать о нем статью, недаром Дрожжин раскритиковал ранний опыт Полевого, но всё же пел ему свои песни и поцеловал на прощание. «А мороз к ночи окреп. Небо густо вызвездило. Снег круто скрипел под полозьями».

Итак, что же мы имеем? Мы видим, что никаких следов в 1923 г. нет. Мы видим, что их нет и в 1928 г. Более того, газетная статья 1938 г. подтверждает наше подозрение, что Полевой никогда не ездил к Дрожжину и знаком с ним не был. Другие частности дополняют это впечатление. Кажется, всё ясно.

Но большая проблема творчества Полевого тут только и начинается. Полевой пришел в литературу как журналист, и это отразилось на всем его творчестве. Как известно, практически все свои произведения на современные темы он построил на документальной основе. «Мемуары вшивого человека», «Горячий цех» и «Современники» – это фактически циклы документальных очерков в форме связного сюжетного повествования. С другой стороны, «Повесть о настоящем человеке», «Глубокий тыл», «На диком берегу...» и «Доктор Вера» – это сюжетные повествования, взятые почти буквально «из жизни». И во всех этих произведениях почти отсутствует художественный вымысел, зато очень сильно проявляется документальное начало. Сильной стороной этих произведений является умение Полевого увидеть в реальном факте, в документе большое художественное обобщение.

В этом отношении очерк «Соловей волжской деревеньки» представляет собой нечто прямо противоположное: в нем художественный вымысел принимает формы документального повествования. Полевой сочинил свою встречу с Дрожжиным, и с исторической точки зрения это не очень корректно, хотя следует признать, что такие пастиши достаточно часто встречаются в литературе и представляют значительный интерес. Подобного рода построения встречаются в основном в исторической прозе, например,

¹ Там же. Отличия в тексте газеты; ст. 5 – Оттого и не певали; ст. 8 – Кроме гнета и печали; ст. 9 – Никогда счастливых дней.

«Письма и записки Оммер де Гелль» П. П. Вяземского. Полевой также прибегает к подобного рода построению в историческом жанре – в мемуарах и создает убедительно яркий образ поэта-крестьянина, отвечающий представлениям социалистического послевоенного времени. Стоит присмотреться к другим историческим сочинениям Полевого: нет ли и в них аналогичных конструкций.

Если мы откажемся от сугубо конкретной оценки творчества Полевого, мы совершим большой шаг вперед. С конкретно исторической точки зрения сочинения Полевого могут показаться устаревшими, ведь лозунг «ты – советский человек!» едва ли кого сейчас прельстит. Но если мы попытаемся рассмотреть, как построены тексты Полевого, мы сможем увидеть в них нечто новое и полезное для современности.

Е.Н. Васильева

ЖАНР ПРОИЗВОДСТВЕННОГО РОМАНА В ТВОРЧЕСТВЕ Б.Н. ПОЛЕВОГО

Производственный роман возник на начальном этапе формирования соцреалистического канона, обозначив одну из его приоритетных тем (тему созидательного труда) и соответствующий приоритетный тип героя. Объектом изображения (по призыву М. Горького) стал труд. Производственный роман был востребован на протяжении всей истории существования литературы советской эпохи: «Цемент» Ф. Гладкова, «Бруски» Ф. Панферова, «Гидроцентральный» М. Шагинян, «Танкер “Дербент”» Ю. Крымова, «Время, вперед!» В. Катаева, «Соть» Л. Леонова, «День второй» И. Эренбурга, «Люди из захолустья» А. Малышкина. Конечно же, эти произведения не могли не оказать влияния на раннюю прозу Б. Полевого, который формировался как личность, как писатель в советское время и будучи корреспондентом газеты, оказывался в гуще происходивших в стране событий.

Формирование жанра производственного романа стимулировалось не только изобилием жизненного материала (развитие производства и строительства, ритм первых пятилеток), но и требованиями со стороны литературной критики. Например, предельно ясно они были выражены в редакционной статье «Литературной газеты» от 29 мая 1932 года: «Перед писателем стоит важная, ответственная и почетная задача – создать такие художественные произведения, которые были бы понятны и нужны строителям социализма, которые бы помогли выкорчевывать собственнические навыки из сознания людей».